
У этой истории было как минимум три начала, если не больше. Первое — социально-политическое, можно сказать, историческое. Второе — частного порядка, складывающееся из нескольких обстоятельств. И наконец, третье — мое личное, в хронологическом плане самое позднее.

С него и начну. Тут для меня исходной точкой послужила Гатя.

На самом деле Гатю звали Агата. Уменьшительное имя она придумала себе сама в раннем детстве, когда только училась говорить. Прелестное имечко как-то сразу намертво приклеилось к ней, и все последующие попытки уже в сознательном возрасте избавиться от него ни к чему не привели. Как ни старалась Агата, ничего не получалось. Среди ее знакомых обязательно находился кто-нибудь, кто знал ее в детстве, и стоило ему лишь раз произнести «Гатя» — этим тут же с поразительной легкостью заражались все окружающие. А ведь всякий поляк знает, что *gacie* есть не что иное, как элемент сугубо мужского гардероба, а именно — подштанники.

Известие о том, что Гатя уезжает в заграникомандировку в Касабланку, пало на меня как гром среди ясного неба.

— Повторите, пожалуйста, пан Казимеж, — слабым голосом попросила я кипящего от гнева Казика. — Повторите, я не поняла, что вы сказали.

— Чего тут не понять, и ежу ясно, это я должен не понимать! — бушевал Казик. — На черта сдалась мне в Касабланке эта Гатя? Что она умеет делать? Ничего не умеет! Зачем она мне там со своей узкой специализацией?

Как ни была я потрясена, чувство справедливости заставило меня возразить:

— Ну вы несколько преувеличиваете, она не так уж мало чего умеет. Вам не надо будет с ней ничего делать, сама перестроится. Но ведь не в этом дело...

— Для меня именно в этом! — выходил из себя Казик.

— А для меня — нет! Для меня главное — знать, в самом ли деле она уезжает с вами, а уж что там будет делать — неважно, пусть хоть в носу ковыряет, хоть танец живота отплясывает...

— Может, на пару со мной? — совсем озверел Казик.

С интересом слушавшая наш разговор Алиция весело рассмеялась. Кто-то из сотрудников заметил, что танец живота исполняют соло. Другой сотрудник принялся размышлять вслух, будет ли от Казика хоть какая-то польза в гареме. Мне же было не до шуточек.

— И когда вы отправляетесь? — перекрикивая веселый шум, поинтересовалась я у Казика.

— В субботу, — был ответ. — Улетаем в шесть утра.

— И Гатя тоже?

— Разумеется. Вся наша группа по контракту.

— Какой кошмар! И вы только сейчас говорите об этом?!

— Откуда мне знать, что это вас так близко касается? О выезде нашей группы по контракту в Марокко уже полгода на всех улицах трубят, странно, что вы не слышали.

— Слышала, но не знала, что Гатя тоже едет. Езус-Мария, меня кондрашка хватит, зараза проклятая, такую свинью мне подложить, чтоб ей ни дна ни покрышки...

Конечно же, я знала, что Казик во главе нашей группы архитекторов-проектировщиков отправляется по контракту в служебную командировку на

несколько лет в Марокко — строить там гигантский жилищно-туристический комплекс. Но мне и в голову не пришло, что вместе с ними может уехать и Гатя. И не только в Касабланку — Гатя не имела никакого права вообще никуда уезжать, она обязана была сиднем сидеть за своей чертежной доской и делать то, что уже давно должна была для меня сделать — технологический чертеж больницы! Договорились, что работа будет готова к сроку, который истекал через две недели. Гатя же еще и половины не сделала. А без ее чертова конструкторского документа у меня все рухнет, инвестор не станет ждать. Подлая гангрена, ведь ни словечка мне не пискнула об отъезде!

Я бросилась к телефону. Гати, разумеется, не оказалось ни на работе, ни дома. Ее мамуля радостно подтвердила информацию о Касабланке, а коллеги по работе — мои наихудшие опасения, что технологией больницы Гатя занималась в одиночку. Одна из наших общих подруг сообщила: ушлую девицу сейчас нигде не поймать, в дикой спешке мотается она по магазинам и учреждениям, оформляя недостающие документы. Последними словами кляла я эту Гатю.

Поймать ее удалось только поздним вечером, когда эта зараза приползла наконец домой. Я ждала

в ее комнате у чертежной доски, на которой был приколот второй этаж моей больницы.

— Какого черта ты мне не сказала о своем отъезде? — набросилась я на Гатю, не дав ей раздеться.

— Дура я, что ли? — воинственно отозвалась она. — И без того света белого из-за тебя не вижу, а тогда ты бы и вовсе не дала мне продыху. А кроме того, боялась сглазить, знаешь ведь, какая я невестучая.

— Так вот, слушай, моя дорогая, — торжественно и мрачно произнесла я. — Христом Богом клянусь, если не доделаешь для меня технологию к пятнице, никуда не полетишь! Из самолета выволоку за ноги!

— Да ты никак спятила! К пятнице? Знаешь, сколько там еще работы! А мне ведь кучу всего надо успеть перед отъездом...

— Больницу тебе надо сделать, кретинка! Ты что, не понимаешь? У меня срок истекает через две недели, такой заказ летит к чертовой матери! Вся группа вкалывает, а из-за тебя пропадать? Хочешь, плати неустойку...

— Сразу неустойку? Обойдетесь как-нибудь.

От ярости у меня потемнело в глазах.

— Ну так вот, дорогуша, — прошипела я, — повторяю: только через мой труп! Клянусь всеми святыми, не сойти мне с этого места, ты не уедешь за границу! Ведь ты меня знаешь!

Гатя решила пойти на уступки:

— Да ладно тебе, не заводись, Анджей закончит...

— Анджей не имеет представления об этой работе!

— Ничего, втянется! Да успокойся, говорят тебе, сделаю, что успею. Думаешь, мне Касабланка с неба свалилась? Целый год из кожи вон лезу, чтобы организовать себе эту командировку, а ты...

— Надо было заранее сказать, предупредить по-честному.

— Боялась сглазить. А если по-честному, так сама признай — со мной у тебя проблем не было.

С этим я должна была согласиться, Гатя работала быстро и четко, именно поэтому я и поручила ей проект. Уверена, хотя порой она и задерживала чертежи, наверняка успела бы к сроку. Если бы не эта проклятая заграничная командировка! Анджей тоже неплохой проектировщик, к тому же, в отличие от Гати, и парень симпатичный, но введение его в курс дела требовало времени, а его-то у нас как раз и не было.

Ну и в результате мне самой пришлось заканчивать технологию на пару с Гатей. Та пыталась протестовать, устраивала скандалы, всячески превозносила деловые качества Анджея — я оставалась глуха к ее уговорам. Согласилась лишь на то, чтобы Анджей составил записку к ее конструкторскому документу и выступил на защите проекта, ведь к тому времени Гатя уже будет в Марокко. Но пока она здесь...

И началось! Я буквально поселилась в Гатиной квартире на оставшиеся три дня. Позабыла о вежливости и правилах хорошего тона, которым меня с детства учили в семье, задушила в сердце сострадание и милосердие, осталась глухой к протестам Гатиной мамули. Зареванная Гатя вынуждена была работать рядом со мной на своей чертежной доске, страдальческим голосом давая мне указания. Мне она смогла предоставить доску меньшего формата, второй такой же большой, как у нее, в доме не нашлось. Я договорилась у себя на работе, Гатя у себя, и дни напролет мы проводили над проектом больницы. Гатя горячо желала мне сквозь землю провалиться или хотя бы сломать ногу, чтобы у нее осталось еще время на сборы.

— Автоклавы размести рядом с операционной, — бубнила она. — В жизни тебе этого не прощу, какая же ты язва! У меня ведь еще чемоданы не уложены...

Не обращая внимания на ворчание Гати, я усиленно работала над чертежами. Дополнительные трудности доставлял уменьшенный формат доски, транспаранты приходилось разрезать на части. А тут еще и жуткий Гатин почерк — я с трудом разбирала ее иероглифы на эскизах.

— Ты что, уже учишься писать по-арабски? — ворчала я в свою очередь. — Надо же, как раз на моем проекте! Скажи на милость, что тут накарябано этими червячками?

— Где? А, отстойник, ясно написано, не придирайся. Слушай, может, мне взять те красные туфли?

— Поезжай босиком, там тепло.

— Какая же ты вредина!

Пятница была на исходе, а у нас еще оставался последний лист. Гатя категорически отказалась его делать, ее мамуля стояла надо мной с дамокловым мечом в руках. Ладно, так и быть, сделаю сама. Но тут возникло осложнение: чертеж был закреплен на доске, под калькой мы ранее с большим трудом уложили на нужных местах Гатины эскизы, откалывать

их — смерти подобно. Поскольку завтра утром Гатя отправлялась в свой зарубежный вояж, надо было иметь совесть и покинуть наконец ее квартиру, дать девушке возможность уложиться — как-никак уезжает на три года. Пока же вещи громоздились кучей на полу, а сама Гатя была совершенно невменяемой.

— Одевайся, — сказала я девице. — Наконец избавишься от меня. Я заберу последний чертеж вместе с твоей доской и сама закончу его дома.

— Там совсем не осталось работы, быстренько закончишь! — оживилась Гатя. — Поезжай, конечно. А мне зачем одеваться? Я ведь никуда не собираюсь выходить.

— Еще как собираешься! Отвезешь меня домой на своей машине. Идет дождь, намочит доску с чертежом.

— Еле-еле моросит, — попыталась увильнуть Гатя.

— Ну и что! Как я буду с этой доской тащиться через весь город? А еще торба с другими материалами!

— Такси...

— Ладно, поищу такси. Но тогда мне придется просидеть у тебя до одиннадцати.

Гатя наконец сообразила, что я и в самом деле в эту пору не поймаю такси, все попрятались, ждут

одиннадцати, когда начнет действовать ночной тариф. Желание избавиться от меня и заняться своими делами придало чертежнице новые силы. Набросив на халат пальто, из-под которого торчало с полметра цветастого атласа, она скинула с ног тапки, влезла в первые попавшиеся туфли и была готова к выходу. Я успела обернуть драгоценную доску несколькими газетами «Трибуна Люду» и крепко сжала ее в объятиях. Остальные вещи — папку с материалами и торбу с чертежными принадлежностями — несла Гатя. Под мышку мне она сунула большой рулон с готовыми чертежами. Когда она отпирала свою машину, руки у нее тряслись, кое-что попадало в грязь, но это уже мелочи.

До моего дома мы доехали за рекордное время. Гатя помогла мне добраться до двери квартиры, а я все-таки нашла в себе силы позабыть неприятности и пожелать ей счастливого пути.

— Кажется, мне наконец-то повезло в жизни! — в упоении произнесла Гатя. — Впрочем, тьфу, тьфу, тьфу! Не поверю, пока не взлетит самолет.

Я понимала — ей действительно крупно повезло. У нас тогда женщин очень редко оформляли на работы за границу по контрактам, особенно в арабские страны. Это все равно что слепой курице найти зерно...

Пана Северина я встретила на улице случайно, у магазина хозтоваров. Задирая голову, он заглядывал в окна жилых домов и для этого даже сошел с тротуара на мостовую, прямо под колеса моей машины. Буквально в последний момент мне удалось затормозить.

Оба мы чрезвычайно обрадовались встрече.

— Вы совсем не изменились! — радостно восклицал пан Северин. — Время над пани не властно! Все такая же молодая! Все такая же красивая!

Дело вкуса, известно ведь — красота в глазах смотрящего. А пан Северин всегда был со странностями.

— Зачем вы так? — ласково упрекнула я его. — Зачем под машину лезете?

— Ах! — грустно выдохнул пан Северин и безнадежно махнул рукой. — Ах! У меня ведь такие неприятности, такие неприятности!

Мне стало интересно. Несколько лет нам с паном Северином довелось проработать в одном кабинете, и я знала, что с ним вечно происходят разные забавные вещи. Человек ангельской доброты, он с детской доверчивостью относился ко всему, что

его окружало, а его главной чертой была рассеянность. Он запросто мог забыть и свой адрес, и свое имя. Если собирался в кино или в театр, никогда не мог удержать в памяти сразу все три обстоятельства: дату, время спектакля или сеанса и номер места. Если чудом и попадал в нужный театр вовремя, оказывалось, что билеты были на другой день, и наоборот. Наученная горьким опытом жена пана Северина отнимала билеты и сама следила за всем. Впрочем, супругу пан Северин обожал и во всем ей подчинялся. Вот только жизнь у бедной женщины не была легкой. Ее можно понять. Вряд ли кого обрадует, если муж отдает всю получку встреченным на улице проходимцам, которые уверяют его, что в условленное время обязательно привезут уголь для отопления, только пусть он вот сейчас заплатит им авансом. Напрасно по приказу жены он искал их потом по всем забегаловкам Мокотова...

О приключениях этого большого ребенка можно было бы рассказывать бесконечно. Много денег вылетало в трубу, но пан Северин не унывал. Чтобы покрывать эти непредвиденные траты, он нашел себе занятие, приносящее неплохой доход. Пан Северин рисовал портреты. Не с натуры, избави бог, для этого у него не хватило бы навыков и таланта.